

УДК 123

Д. В. Пивоваров, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
e-mail: daniil-pivovarov@yandex.ru

Г. Л. Тульчинский, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
e-mail: gtul@mail.ru

А. М. Максимов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

В. М. Артемов, доктор философских наук, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»
e-mail: vyach_artemov@mail.ru

Р. Ю. Рахматуллин, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»
e-mail: rafat54@mail.ru

И. А. Беляев, доктор философских наук, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: igorbelyaev@list.ru

МНОГОМЕРНОСТЬ СВОБОДЫ

В рамках заочного круглого стола обсуждалось существование множества измерений свободы и особенности проявлений некоторых из них. Д. В. Пивоваров, обращает внимание на многоаспектность дефиниций понятия свободы; размышляя о многомерности свободы, он указывает на сочетание в ней доброго и злого, на её парадоксальность и осуждённую человека на то, чтобы быть свободным, на многогранность и изменчивость свободы, на волюнтаризм и фатализм как крайности в её трактовке. Г. Л. Тульчинский, выдвигающий идею единой природы свободы, рассматривает её как эпифеномен культуры. А. М. Максимов, выявляющий методологические основания противоречивой многомерности свободы, обращает внимание на эвристическую ценность методов антиномий и альтернатив. В. М. Артемов пишет о нравственности, которую полагает основой целостности зрелой свободы. Р. Ю. Рахматуллин заявляет о верности понимания свободы как критерия прогресса. И. А. Беляев отмечает и обосновывает несостоятельность представлений о положительной связи между свободой человека и его внутренней и внешней гармонией.

Ключевые слова: выбор, гармония, инобытие, нравственность, ответственность, прогресс, самобытие, свобода, «свобода от», «свобода для».

Заочный круглый стол, материалы которого представлены ниже, был организован по инициативе редакции журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции». Участниками круглого стола стали философы из Екатеринбурга, Москвы, Оренбурга, Санкт-Петербурга и Уфы. Подготовленные ими материалы содержат информацию о свободе в её различных измерениях. Темы отдельных рассуждений о свободе сформулированы их авторами – участниками круглого стола.

Д.В. Пивоваров:

«Заметки о свободе.»

О дефиниции свободы. Понятие свободы многоаспектно. Прежде всего, свобода человека есть:

1) процесс и результат самоопределения «Я» через внешнее либо внутреннее «не-Я»; 2) мера гармонического освоения чужого и отчуждения своего; 3) состояние самоопределения человека, выбирающего условия своего бытия исходя из своего духа; 4) способность действовать в качестве сознательно и ответственного творца в соответствии со своими интересами и целями.

В самом общем онтологическом смысле, категория свободы обозначает беспрепятственное проявление природы любой вещи, будь то свобода падения камня, течения реки, роста растения, полета птицы или поведения человека. По Аристотелю, свободно – такое действие, принцип которого заключен в самом действующем лице. Б. Спиноза

приписывает свободу всякой вещи, которая действует в силу одной только необходимости своей собственной природы. Гносеологическим компонентом человеческой свободы выступает познание разных необходимостей, конфликтующих между собой (например, моральной, экономической, политической), и осознанный выбор между ними.

Доброе и злое в свободе. Согласно христианству, свобода выбора есть одно из проявлений образа Божия в человеческой природе, и она поставлена Богом на службе человеческому благу. Отцы Церкви говорили о двойственности свободы: 1) в ней укоренена возможность вседозволенности, отклонения от закона (аномия) и фатального злоупотребления; 2) она служит основой преодоления поврежденной человеческой природы в аспекте ответственности и самосозидания человека (автономия). С христианской идеей свободы ассоциирован образ странничества людей в поисках своего дома. Так, Августин Аврелий полагал, что в своем земном бытии христиане живут как паломники во времени, ищущие Царства вечности.

Сам по себе феномен человеческой свободы ценностно нейтрален до тех пор, пока не становится средством для совершения добрых или злых поступков. В свободе заключены возможности возвышенного добра и низменного зла. Отсюда относительность свободы выбора – ведь злоупотребляя своей свободой, человек утрачивает свободу жизни в добре и свободу отказа от греха. Экзистенциалисты справедливо настаивают на том, что безответственная свобода есть произвол, а истинная свобода предполагает ответственность и заботу. Ответственность можно определить как меру сознательного отношения к своей свободе.

Важнейшими условиями свободы являются: а) единство прав и обязанностей; б) равновесие личной независимости и самоограничения. Согласно Декларации прав человека и гражданина (1789 г.), свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами.

Парадокс свободы. Парадокс свободы, сформулированный еще Платоном, гласит: из крайней свободы возникает жесточайшее рабство, поэтому, чтобы не допускать порабощения граждан, государство должно значительно ограничивать их свободу. И. Кант требовал, чтобы государство ограничивало свободу каждого не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной свободы для всех. Согласно К. Попперу, свобода сама себя упраздняет, если она не ограничена; никто не должен жить за счет милосердия других, все должны иметь право на защиту со стороны государства.

Человек осужден быть свободным. Экзистенциализм обострил проблему свободы. По Ж.-П. Сартру, человек есть лишь то, что сам из себя делает;

человек осужден быть свободным. Осужден потому, что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает. Экзистенциальное чувство свободы начинается с того момента, когда мы начинаем осознавать свое «Я» и противопоставлять ему чужое «не-Я», природное или социальное. В этом смысле свобода, во-первых, есть неустойчивое и опасное пребывание на границе между самобытием и инобытием, во-вторых, часто проявляется в форме острого переживания человеком своего пограничного состояния как напряженного, противоречивого, неопределенного. Свобода манит к себе, но немногие ее выдерживают. Большинство бежит прочь от свободы, как только приблизится к ней. Райский плод привлекал к себе Адама и Еву лишь тем, что был запрещен. Самая большая свобода ограничивалась в раю самым маленьким запретом; без запрета свободой и не насладишься (Г. К. Честертон).

Три грани свободы. Обычно выделяют три основных грани свободы в отношении: 1) самого себя (внутренняя свобода воли индивида); 2) общества (внешняя социальная свобода действия); 3) природы. Во всякой свободе тесно взаимосвязаны освоение (положительная «свобода для») и отчуждение (отрицательная «свобода от»). «Свобода для» есть стремление к властвованию, присвоению, владению иным, а «свобода от» – это отказ от власти над собой и миром, отрицание той части своего, которая тяготит и становится обузой. Активной свободой называют ситуацию, когда «Я» энергично отталкивает от себя «не-Я» или, наоборот, эффективно проникает в инобытие; для пассивной же свободы характерно колебание в выборе цели, недеяние, нежелание присутствовать в «не-Я».

Многочисленные коллизии свободы можно дедуцировать из разных аспектов взаимоотношения между «Я» и «не-Я». Моменты свободы сопоставимы с теми универсальными диалектическими противоречиями, которые заключены во взаимосвязях почти всех парных (полярных) категорий философии – в категориях духа и материи, души и плоти, сущности и явления, внутреннего и внешнего, необходимости и случайности, возможности и действительности и т.д.

Изменчивость характера свободы. Характер свободы, вероятно, исторически специфичен, изменяется в каждую историческую эпоху. Одни философы измеряют свободу качеством развития сознания, мышления, разума, другие – степенью познания законов природы и общества, третьи – уровнем развития производительных сил, четвертые – характером социального и политического строя. Вероятно, все эти измерения свободы предполагают друг друга. Постмодернисты привязали понятие свободы к принципу плюрализма всех ценностей; стержень свободы они ищут в свободе коммуникации, дискурса, текста, интерпретации.

Фатализм и волюнтаризм. В трактовках феномена свободы друг другу противостоят две крайности – фатализм и волюнтаризм. Фатализм рассматривает человеческие поступки как предопределенные и, по сути, отрицает реальность свободы. Волюнтаризм, напротив, провозглашает полную произвольность наших поступков и безусловность человеческой свободы (вплоть до «запрещения всяких запрещений»). Антиномическое решение проблемы свободы философами-диалектиками основано на убеждении в возможности соединить: а) понятия необходимости и свободы; б) идею предопределенности с идеей произвольности волеизъявления и поведения людей.

Классики марксизма, вслед за Спинозой, придерживались дефиниции свободы как познанной и освоенной необходимости и верили, что в условиях коммунизма свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех и произойдет скачок из царства необходимости в царство свободы. По-другому думал В. Франкл. Он полагал, что человек не свободен от условий. Но человек свободен занять позицию по отношению к ним. Условия не обуславливают его полностью. От него – в пределах его ограничений – зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям. Он может также подняться над ними и таким образом открыться и войти в человеческое измерение.

В христианском учении о Богочеловеке антиномично одобряются два утверждения: 1) все без изъятия зависит от Бога; 2) тем не менее, нечто все-таки зависит от человека. Необходимость (неволя) в идеальном человеке Иисусе Христе трактуется как свобода, которая перестает быть произволом. Однако в отношении рядового человека не удается ясно согласовать представления о его полной зависимости и частичной независимости от Бога, и приходится выбирать между фатализмом (идеей предопределения) и волюнтаризмом (идеей свободы воли человека).

Так, Спиноза, выбирая фатализм, считал представление о свободе воли обманом воображения. Если мы чувствуем себя произвольно действующими, то ведь и камень, который под действием сил тяготения падает на землю, мог бы считать себя свободным, если бы обладал ощущениями. Однако чувство безысходности из-за веры в предопределение, как ни странно, одновременно закаляет и укрепляет личность. Например, вера пуритан в жесткое предопределение и в отсутствие свободы воли раскрепощала их дух и требовало от них активных действий без оглядки на предустановленную судьбу».

Г. Л. Тульчинский:

«Свобода – эпифеномен культуры. О единой природе свободы.

Обычно, когда заходит речь о свободе, различают ее различные виды и понимания: свобода от

и свобода для, свобода хотения и свобода делания, свобода как феномен самосознания и свобода как феномен социальной жизни... Признавая важность таких различий, хочется обратить внимание на единую природу свободы, единый ее порождающий background.

Начнем с очевидного – в природе как таковой, без человека и его сознания, познания и деятельности, свободы нет, а существуют только каузальные связи и прочие детерминации. Если животное в своей генетически заданной телесности есть буквально оформленность жизни как таковой, то человек не завершен в том смысле, что он разомкнут в трансцендентное, до- и сверхприродное, ему доступно трансцендентное, как добытийное и внебытийное начало бытия. Это позволяет человеку осмыслять реальное бытие, выходя в его контекст, занимая по отношению к нему позицию вневходимости. Это качество и есть свобода – начало, не врожденное генетически, добытийное и сверхбытийное, открывающееся в небытие, суть возможное, пустое, неопишное и невыразимое творящее ничто. Свобода мзюнична, «дыра в бытии» [2, 9], она коренится в Ничто, предшествуя творению, как то, что хочет воплотиться в бытии, то, что предшествует своим проявлениям. В этом своем качестве безосновной основы бытия она богоподобна, как говорил Б.П. Вышеславцев [5], свобода пошевелить пальцем подобна свободе сотворить мир.

Так из очевидного – свободы как человеческого измерения бытия – возникает вопрос о природе свободы как явления не физического, а за- и сверхфизического. По И. Канту [8], свобода не феномен, а ноумен. Свобода оказывается одним из проявлений сознания, открываемым только в нем и с его помощью. А сознание – качество, приобретаемое только в обществе и с его помощью. Жестокие опыты (похищенные зверьми дети, Каспар Хаузер) показывают, что сознание обретается только с помощью и за счет общения с другими людьми, освоения языка, социального опыта. Человека от животного отличает именно его социально-культурная природа. Поведение животного полностью задано генетически. Появившись на свет, практически любое живое существо уже «знает», что ему делать. Человек же рождается совершенно беспомощным и незащитным. Только при поддержке семьи, пройдя довольно длительную подготовку, включая образование и овладение профессией, он становится полноценной личностью. Именно культура – как система вневгенетического наследования опыта, как система порождения, хранения и трансляции этого опыта – делает человека человеком – личностью.

Короче говоря, сознание – результат «загрузки», «инсталляции», «вращения» [9] программ социально-культурного опыта, что реализуется с помо-

щью запретов, принуждения, убеждения, личного примера. Всей системой социализации – воспитанием, образованием, поощрениями и наказанием – нас вырывают из причинно-следственных связей, перекручивая и замыкая их, как в ленте Мебиуса, на нас самих, превращая нас в *causa sui*. Это не чашка упала – это ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Уронил – значит, это сделал ты. Так открывается изначальная связь свободы и ответственности. Границы свободы и ответственности совпадают, как две стороны одного листа бумаги. Только там, где я свободен, где мною свободно приняты решения, свободно совершены действия, я и отвечаю за них и их последствия. И наоборот – я могу быть ответствен только за то, в чем проявилась моя свобода. Эта единая граница свободы/ответственности определяет одновременно и границы поступка как вменяемого действия, и, собственно, границы личности как свободного/ответственного (вменяемого) субъекта.

Таким образом, свобода – результат вменения личности ответственности. Воспитание, образование, профессиональный опыт – не только убеждение и принуждение, но и создание условий для самоопределения. Культура, «другие» грузят нас свободой как ответственностью, вменяют нам вменяемость.

Ярким примером, подтверждающим идею вторичности свободы по отношению к ответственности, производности ее от ответственности является право, когда предполагается именно ответственность за свободный выбор – предполагается, что человек мог поступить так, а мог иначе, и это был его выбор. Ханжество культуры и права в том-то и состоит, что, с одной стороны, меня считают продуктом социальных отношений, а с другой – наделяют меня свободой, вменяя лично мне ответственность за поступки и поведение! А потом в суде ищут смягчающие вину обстоятельства (состояние аффекта, принуждение и т.п.) – фактически возвращая меня в мир природных каузальных связей, делая невменяемым.

Однако вне свободной (вменяемой) личности рушится система морали и права. Но если человек наделен свободой воли, то он оказывается вырванным из сети причинно-следственных связей и отношений. Более того, сознательный выбор (возможность, как минимум, двух следствий у одной причины) наделяет человека способностью действовать вопреки миру. Постулат о вменяемости и, как следствие, получение наказания или поощрения, наделяет человека сверхъестественными качествами. Получается, что правовая культура, вся юриспруденция, как, впрочем, и мораль, покоятся скорее на теологии, чем на науке.

Формирование, развитие со-знания и есть становление вменяемого субъекта, которому вменяется ответственность за его действия и который

располагает рациональной мотивацией. Точнее было бы сказать, что он полагает, что располагает этой мотивацией, потому что должен ею располагать. Другими словами, М. М. Бахтин «правее» Н. А. Бердяева: сначала ответственность, а потом свобода – как усвоение вменения. Когда я считаю, что я причина. С этой точки зрения М. М. Бахтин глубоко и принципиально прав: у человека нет и не может быть алиби в бытии [1]. Разум и сознание – вторичны по отношению к изначальной ответственности. Они лишь выражают меру осознания своей укорененности в мире. А значит – и меру свободы. Чем в большей степени личность интеллектуально развита, чем шире горизонт ее знаний, тем в большей степени она осознает возможные последствия своих действий и поступков. И в многия знания – многия печали.

Человеческое измерение бытия (свобода) является после приписывания, вменения нам ответственности. Только после такого вменения самосознание личности становится чувствительным добытийного начала бытия, каковым является свобода. Тем самым мне становится доступным выход на новый уровень – добытийный и внебытийный уровень свободы, уровень возможностей, уровень потенциации, овозможивания реальности. Только выход, как говорил М. М. Бахтин [1], в позицию вневходимости обеспечивает возможность конструктивного творчества. Я становлюсь способным, подобно хоббиту Бильбо Бэггинсу, совершить путешествие «туда и обратно» [10]. Туда – из мира сущего в трансцендентный мир сверхреального возможного. И обратно – из мира возможного в мир сущего. Свобода не столько познанная необходимость, сколько осознанная возможность и «преодоленная необходимость» [7]. Человеческое бытие раскрывается как творчество, а личность и путь к свободе – как принятие на себя все большей ответственности. Но человеку, как существу, ограниченному в пространстве и времени недоступна всеобщая взаимосвязь, постижение бесконечного конечным. Именно в этом плане свобода как абсолютная потенциальность трансцендентна. Она ничто, потому что о ней нельзя спросить или сказать «что». Она ничто, потому что она все – бесконечный универсум возможного. Мир персонологичен. Человек обречен на выбор, на самоопределение, на ответственность за позицию и последствия. А свобода – эпифеномен культуры. Но этот эпифеномен дает возможность человеку, в отличие от животного, которое просто сканирует реальность, выйти в другое измерение, трансцендировать в иное. И, в силу этого, с помощью разума и понимания все более глубоких связей, человек метафизически свободен. Он всегда может стать свободным «от»: своего тела, своего характера, своего происхождения, законов природы и даже от Бога.

То, что культура выступает инфраструктурой свободы проявляется и в исторической тенденции динамики границ свободы, как границ вменяемого, свободного и ответственного субъекта: от племени, общины, рода до психосоматической целостности индивида и далее – к определенным этапам его жизненного пути (например, начиная с 18 лет). Это с одной стороны. А с другой – в динамике нормативно-ценностной системы общества.

В общем случае, ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода. Стремление к безопасности позволяет преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. При этом, самые различные формы социального существования с неизбежностью порождают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления в реализации основных инстинктов, связанных с ними конфликтов, переживания обид, зависти и рессентимента. Разрешение этих проблем, так или иначе, но связано с реализацией второй базовой ценности социогенеза – справедливости. Причем, – по двум векторам. Первый вектор связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй – связан с возможностями самореализации, творчества отдельных активных индивидов.

В традиционных обществах, т.е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции вплоть до наказаний, изгнания, а то и казни. Но, если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве, в нем формируется второй вектор справедливости, связанный с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности, т.е. свобода, ее обеспечение. При этом следует отметить, что не всякое общество рассматривает такую ответственную автономность (свободу) как ценность.

Большая часть истории человечества прошла в рамках традиционных обществ, в которых личная инициатива рассматривалась как девиация, нарушение завета предков. Но по мере развития социума, обеспечения безопасности, качества жизни возникает необходимость в гарантиях свободной самореализации, творчества, разомкнутости наличия, трансцендирования в иное, подключения к бесконечности, распаковки новых смыслов. Бытие коренится в душе человеческой, которая есть чувствительность свободы – трансцендентного, добытийного источника (потенциатора) бытия и по сути эпифеномена культуры, социализирующей личность на основе вменения ответственности.

Таким образом, сущность свободы едина. В любой своей ипостаси – личностно-персонологической феноменологии или нормативно-ценностной социальности – свобода оказывается эпифеноменом культуры, как условия и механизма социо-персоно-генеза».

А.М. Максимов:

«Методологические основания противоречивой многомерности свободы.»

Глубинные преобразования, произошедшие за перестроечный период в различных сферах жизни россиян, требует выявления новой и переосмысления старой проблематики, характеризующей свободу человека. На сегодняшний день многие права и свободы, прописанные в российской Конституции порой не могут быть реализованы. Разросшийся бюрократический аппарат, нарушение законов и ущемление свобод со стороны отдельных его представителей усложняют, а порой делают невозможной гармонизацию отношений между многомерными проявлениями в общественной жизни и многомерностью её членов. Безусловно, очень многое зависит и от самого человека: состояния здоровья, прилагаемых усилий с его стороны, развитости духовной составляющей, наличия способностей входить в этот мир, обретая себя на стыке своего и иного. Свобода, будучи противоречивой и трудноуловимой, проявляет себя через овнутривание внешнего инобытия, до состояния самобытия и овнешнивание внутренних сил, их раскрепощение и освобождение.

Обладая предметным и целевым содержанием, проявляя себя в вещественной или операциональной форме, свобода реализуется в активной или пассивной модальностях. Хотя, справедливости ради следует отметить, что последняя для своего осуществления требует не менее значимых усилий, нежели первая. Не существуя в чистом виде, проявляя себя как грани свободы, каждый из этих типов находит своё отражение в самоопределяющемся субъекте.

Философский анализ проблемы свидетельствует о том, что обращенность к различным учениям о свободе, выявление их методологических оснований, дает возможность выявить определённые принципы и методы, позволяющие исследовать многомерность свободы. К таковым относятся, в первую очередь, принцип единства материального и идеального, исторического и логического, знания и веры, диалектический метод, а также методы антиномий и альтернатив. Так, например, метод антиномии позволяет исследовать действительность с разных сторон, разобраться в спорных ситуациях, понять, что тезис и антитезис имеют одинаковое право на существование и не всегда борьба между ними завершается синтезом. Данный метод находит свое отражение в работах И. Канта, С. Л. Франка, Э. Фромма, Ж. П. Сартра и иных ав-

торов. Благодаря данному методу можно оценить роль и значение свободного выбора, совершаемого человеком и в тоже время понять, что не всякий выбор ведёт к подлинной свободе, постижению мира в его целостности.

Не менее значимую роль в осмыслении свободы играет метод альтернатив, хорошо разработанный, в первую очередь, представителями философии науки К. Поппером и П. Фейерабендом. Ориентируя человека на выбор той или иной альтернативы, данный метод способствует углубленному пониманию различных спочек зрения, устранению ошибок и заблуждений на пути к истине и реальной свободе.

Своеобразно «оттенить» многомерность мира и человеческой свободы помогает диалектический метод, хорошо представленный в учениях как западных, так и отечественных представителей философской мысли. В частности, гегелевская диалектика позволяет выявить не только антагонизмы между противоборствующими учениями, но и найти точки их взаимопроникновения, которые свидетельствуют об определённой общности противоборствующих сторон. Диалектика уравнивает внутренний и внешний миры, не игнорируя их самости, формирует образ свободы как стояния на границе самобытия и инобытия».

В.М. Артемов:

«Нравственность как основа целостности зрелой свободы.»

Своего рода ключом к авторской концепции свободы выступает своеобразный синтез *человеко-* и *социоцентризма*. Современная цивилизация в бесконечных разговорах о правах и свободах человека, с одной стороны, мало интересуется самим человеком как человеком, с другой, – практически не занимается осмыслением и осуществлением должного социального идеала. Делаются также попытки снова растворить человека в природе, опровергнуть идею об исключительности социокультурных феноменов в их классических образцах.

В качестве своеобразной стратегической линии спасения человека и социума в целом видится движение в направлении культивирования собственно человеческого в человеке, то есть собственно нравственности как таковой. Важно вновь научиться доверять самим себе, спрашивать с себя, действовать свободно и ответственно. Разумеется, нельзя не учитывать того обстоятельства, что феномен свободы по происхождению и многообразным проявлениям имеет спонтанную природу. Мы принимаем это как данность, которую в принципе нельзя ни игнорировать, ни искусственно создать или попросту выдумать. Речь должна идти о своего рода атрибуте человеческого бытия, внутренне связанном с неисчерпаемым потенциалом сознания, но не поддающимся в полной мере рационализации. Вместе с тем, являясь носителем сознания, человек в его

личностном измерении целенаправленно возвращает свободу до степени зрелости, одновременно культивируя и совершенствуя социальные отношения.

Имея социокультурную природу, человек формируется в основном в направлении добра, а не зла. Сущность свободы и общества – нравственность. Последняя обеспечивает их внутренне единство и целостность. Нельзя не учитывать и разрушительные проявления в сознании и поведении людей. В современных условиях, когда существенно выросли возможности науки, техники и разного рода технологий, данное обстоятельство представляется особенно опасным. Важно не допустить того, что можно назвать «отменой» человека, постчеловеческим тупиком.

Требуется преодолеть разного рода поверхностные представления и стереотипы в суждениях о свободе, взятой вне связи с нравственностью: растворение в природе, политизация, даже излишняя юридикация её и т.п. Именно свобода, в своей зрелой форме предполагающая ответственность, делает действительно подлинными и устойчивыми все межличностные и социальные отношения. Усиление потенциала свободы в его органической взаимосвязи с нравственностью выступает в качестве одного из факторов прогресса в целом.

Имея в виду указанную выше спонтанность, а также мимикрию под свободу, можно объяснить внутреннюю противоречивость последней, даже откаты назад. Так, формальное увеличение количества политико-правовых свобод не всегда сопровождается соответствующим качеством реальной свободы человека и общества. В условиях духовно-нравственного дефицита, в частности, националистического угара, свобода отрывается от нравственности и превращается в свою противоположность, то есть во вседозволенность и беспредел (увя, напрашивается пример с Украиной последнего времени).

Будучи многоаспектной, но, по сути, оставаясь целостной, свобода не терпит выпячивания какого-либо из ракурсов её рассмотрения – экономического, социологического, политического, правового. Если один из них абсолютизируется, то свобода оказывается в плену односторонности (отождествление свободы с наличием частной собственности, формальной возможностью участвовать в выборах или подпадать под действие некоего демократического законодательства, которое будто бы автоматически её гарантирует). В действительности же тяготеют друг к другу свобода и нравственность. Именно они находятся в самих корнях социокультурного бытия, в конечном счете, определяют вектор развития последнего.

Подытоживая общее размышление о свободе, можно сформулировать такое рабочее определение применительно к связке «личность-общество» – это многоаспектное самоутверждение человека в социокультурной среде, и в мысли, и в действии; реальная готовность изменять себя, других, наличные

обстоятельства на основе собственных желаний, спонтанных проявлений, знаний жизни и необходимости, умение определять приоритетные ценности и следовать им в направлении достойного социального идеала.

Именно свободный выбор в русле добра рождает внутреннюю ответственность личности, без которой нравственность превращается в поверхностное и пустое морализаторство. Сталкиваясь с теми или иными проявлениями зла, прежде всего, несправедливости, подлинно свободный человек не только не остаётся равнодушным и безучастным, но вступает в борьбу с этими проявлениями. Важно только, чтобы само противостояние последним не исключала нравственности, а предполагала её, имела высокую цель».

Р.Ю. Рахматуллин:

«Свобода как критерий прогресса.»

На одной из лекций по основным проблемам современной физики, которые читал студентам философского факультета Уральского университета талантливый физик и педагог А. К. Кикоин, он выразил мысль, что степень развитости системы можно определять количеством степеней свободы у неё. И продемонстрировал примером: у дерева степеней свободы меньше, чем у животного, которое может изменять свое местоположение, а дерево – не может. Эти слова Абрама Константиновича мне, тогдашнему студенту-первокурснику, надолго запомнились. Понятно, что как физик, он рассуждал при помощи физических категорий. Но ведь эта идея применима для характеристики и биологических, и социальных систем, и человека.

Понятие прогресса, как вида развития, в большей мере изучена в философии истории, когда решается вопрос о степени развитости общества. При этом предлагаются разные критерии прогресса: 1) степень технологического развития общества; 2) уровень богатства страны; 3) тип производственных отношений; 4) уровень развития производительных сил; 5) уровень образования; 6) состояние нравственности в обществе; 7) степень главенства права в урегулировании общественной жизни и т.д. Г. В. Ф. Гегель в «Философии истории» выдвигает идею, согласно которой уровень прогрессивности общества следует измерять степенью свободы его граждан. В соответствии с этим критерием, линия прогресса у него тянется от восточного мира (деспотизма, где свободен только один) к античности (где свободны некоторые), а от нее – к германскому миру, в котором свободны все [6]. Не будем критиковать Г. В. Ф. Гегеля за его восхваление Прусской монархии, но сама его идея о свободе как критерии прогресса, заслуживает внимания.

Думается, этот критерий является наиболее универсальным, обобщающим как для характеристики общества, так и личности. К примеру, его можно приложить к оценке уровня развития техники и тех-

нологии: чем больше технических устройств и технологических решений, тем больше свобода выбора у человека. То же касается и богатства как критерия прогресса: оно дает больше возможностей в реализации потребностей, чем нищета. Знания, образованность также дают возможность осознания места событий в цепочке причинно-следственной зависимости, их необходимости (Б. Спиноза). Поэтому знающий человек более свободен в выборе решения, чем не знающий. Во всяком случае, он знает о внешних обстоятельствах, ограничивающих его свободу, а это первое условие для изменения этих обстоятельств. Такой же вывод следует и при анализе роли морали и права как критерия прогресса: их главенство в обществе обеспечивает широту возможностей для самореализации личности. Ясно, что в правовом государстве человек более свободен, чем, например, в тоталитарном.

На наш взгляд, свобода является критерием прогресса как для «свободы от», так и «свободы для» в классификации видов свободы И. Берлина [3]. И *свобода от* нищеты, зависимости, и *свобода для* самореализации, творчества и т.д. указывают на степень прогрессивности развития, как человека, так и общества.

Обобщая, можно утверждать, что расширение возможностей человека, которые дают техника и технологии, знания, мораль, право, делают его действия более свободными. И человек явно или неявно всегда стремится к этому. Поэтому главным вопросом социальных революций или переворотов является обретение большей свободы для тех, кто заинтересован в этих изменениях».

И.А. Беляев:

«Свобода и гармония человека.»

Критический анализ философски оформленных представлений об отдельных измерениях свободы показывает, что во многих случаях им свойственны зыбкие основания и практически полное отсутствие выраженности в строгой понятийной форме. При этом векторы и границы философских дискурсов они задают, но сами в них зачастую сколько-нибудь явно не фигурируют. Например, отдельные измерения свободы в философских текстах выстраиваются и воспринимаются так, будто бы тесная положительная связь между свободой человеческого существа и степенью гармоничности его развития является доказанной.

Попытаюсь продемонстрировать несостоятельность данного представления посредством сопоставления некоторых признаков человеческой свободы и гармонии, которые могут быть отнесены к числу понятиеобразующих. Полагаю, что о наличии свободы допустимо вести речь тогда, когда человек имеет и при необходимости реализует возможность: а) осуществления выбора, независимого от внешнего или внутреннего принуждения; б) твор-

ческого постижения и преобразования действительности и самоопределения в ней. Что же касается гармоничности человеческого существа, то о том, что она имеет место, свидетельствует точная согласованность, сонастроенность, взаимное соответствие: а) составляющих его частей; б) его самого как целостности со всем присущим ему окружением.

Соответственно обнаруживается четыре возможных варианта сочетания показателей, с одной стороны, наличия свободы у человека и, с другой стороны, гармоничности его развития.

При первом варианте человек обладает возможностью самостоятельного выбора и внутренней гармонией. Проявит ли он склонность к осуществлению выбора? Надо полагать, что не проявит, так как у него нет к тому внутренних побуждений. Да и, в самом деле, зачем ему выбирать что-то отличающееся от уже имеющегося, если это чревато внутренней дегармонизацией, и, как следствие, утратой ощущения комфорта?

В случае наличия второго варианта возможность свободного выбора сочетается с гармоничностью отношений человека с его внешним окружением. Здесь, надо полагать, речь об осуществлении свободного выбора просто не может идти. Если гармония между человеком и тем, что его окружает, достигнута, то возможность выбора, скорее всего, уже реализована.

Для третьего из мыслимых вариантов характерно сочетание признаков возможности творчества и самоопределения в действительности и внутренней гармонии человеческого существа. Внутренняя гармония являет собой весьма надёжное препятствие к активному преобразованию действительности и выстраиванию пределов самого себя. Ведь, в самом деле, как то, так и другое объективно разрушительны применительно к достигнутому комфортному состоянию.

И, наконец, при четвёртом варианте человек имеет возможность выбирать то, что ему субъективно необходимо, а гармоничность его отношений с внешним окружением не вызывает сомнения. Как

и во всех других рассматриваемых вариантах, имеющаяся возможность вряд ли будет актуализирована. Вероятность деятельного стремления человека выбирать что-либо крайне низка, хотя, впрочем, и не равна нулю. Всякий выбор, выводящий человека за пределы воображаемого, грозит ему потерей гармонии в отношении с тем, что находится вне его, а потому осуществим только при наличии очень сильных внутренних побуждений.

Быть может, именно по причине наличия всего этого осознанный и прочувствованный выбор полностью свободного, казалось бы, человека не всегда ведёт его к сохранению и расширению собственной свободы. Порой человек, действующий исключительно по своему усмотрению, выбирает несвободу, воплощающуюся в добровольном принятии зависимости от обстоятельств, возникших случайно, или же явившихся порождением чьей-то воли. Осуществляя жизненное самоопределение, такой человек со всей доступной ему жёсткостью ориентирует себя на выявляемые и выстраиваемые пределы; те же возможности, которые могут быть обнаружены в этих пределах, его не привлекают, а потому игнорируются».

Подведём итоги всему сказанному выше. Анализ авторских материалов участников круглого стола свидетельствует о точности формулировки названия его темы. Основанием для данного утверждения является множество вариантов измерения свободы, обозначенных и предельно кратко и, при этом, ёмко освещённых авторами. Актуальность измерений свободы, оказавшихся в фокусе внимания каждого из авторов, теоретическая и практическая значимость излагаемых ими идей сомнений не вызывает. Вместе с тем нельзя не отметить неполноты набора обсуждавшихся измерений свободы и, что ещё более важно, её принципиальной неисчерпаемости как объекта философского осмысления. Авторы призывают коллег к поиску неисследованных измерений свободы, к совершению усилий по расширению и углублению знаний о ней.

Литература

1. Бахтин, М.М. К философии поступка [Текст] / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. – М. : Наука, 1986. – С. 80-160.
2. Бердяев, Н.А. Философия свободы [Текст] / Н.А. Бердяев. – М. : АСТ, 2005.
3. Берлин, И. Четыре эссе о свободе [Текст] / И. Берлин. – Лондон : Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. – 394 с.
4. Выготский, Л.С. Мышление и речь [Текст] / Л.С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1999.
5. Вышеславцев, Б.П. Вольность Пушкина. (Индивидуальная свобода) [Текст] / И. Берлин. // О России и русской философской культуре. – М. : Наука, 1990. – С. 398-402.
6. Гегель, Г.В.Ф. Философия истории [Текст] / Сочинения : В 14 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.-Л. : Соцэкгиз, 1935. – Т. 8. – 470 с.
7. Гроссман, В. Жизнь и судьба [Текст] / В. Гроссман. – М. : Терра-Книжный клуб, 2005.
8. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. – М. : Наука, 1998.
9. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто : Опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М. : Республика, 2000.
10. Толкин, Дж.Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно [Текст] / Дж.Р.Р. Толкин. – СПб : Азбука-классика, 2006.